

П.М. Мозиас

МГОУ

О некоторых политико-идеологических аспектах рыночной модернизации в Китае

Во всех дискуссиях о перспективах развития Китая неизменно поднимается вопрос о том, насколько устойчиво имеющее ныне место сочетание формирующейся рыночной экономики и традиционной политической системы, в которой монополия на власть принадлежит КПК. С точки зрения либеральных критиков такая конструкция заведомо нежизнеспособна, и долго так продолжаться не может. Утверждается, что прежняя политическая система из-за самой антирыночной идеологической сущности КПК не может не препятствовать реформам и модернизации. Диссонанс между экономикой и политикой неизбежно приведёт к взрыву ситуации. А в крайнем своем варианте либерально-западнический подход к проблемам модернизации исходит из того, что экономическое развитие вообще невозможно без обеспечения политических свобод.

Можно уверенно сказать, что китайской действительностью эти тезисы не подтверждаются. Развитие Китая отягощено многочисленными проблемами и дисбалансами, но сам факт быстрого экономического роста и модернизации неоспорим. Нет и оснований утверждать, что позитивные социально-экономические результаты получены не благодаря, а вопреки существующей политической системе. Напротив, использование традиционного для социалистических стран политико-идеологического инструментария выступает как важный механизм осуществления реформ. С одной стороны, государство направляет движение по пути преобразований, используя для этого сложившиеся административные структуры и методы идейно-пропагандистского воздействия на население. С другой стороны, сохранение сильного, репрессивного государства позволяет не только осуществлять реформы, объективно вызывающие социальное расслоение, но и принимать непопулярные меры макроэкономической политики (например, для борьбы с инфляцией). В условиях более плюралистичной политической системы подобные шаги властей могли бы легко спровоцировать проявления массового недовольства, а так они купируются сочетанием административных и социально-психологических методов.

© Мозиас П.М., 2010

При всём своеобразии китайского опыта, эту ситуацию имеет смысл рассматривать в более широком контексте. Опыт большинства стран свидетельствует, что процессы индустриализации и развития институтов рыночной экономики протекают обычно в условиях авторитарной, а не демократической политической системы. Даже большинство западных исследователей сравнительной политико-экономической динамики развивающихся стран, оставаясь идеологически приверженными принципам либерализма, тем не менее констатируют, что развивающиеся страны с авторитарными политическими режимами добиваются лучших экономических результатов, чем те страны, где пытаются совмещать рыночную индустриализацию и политическую демократизацию (см. [14, 17, 18, 19]), хотя само по себе установление авторитарного режима, безусловно, не является достаточным условием для поступательного развития. В этой связи, в литературе обычно противопоставляют «клеттократические» авторитарные режимы, ориентированные исключительно на обслуживание интересов правящей элиты, и «государства развития», проводящие комплексную политику модернизации (см. [16, с.149–166]). В самом общем виде сильные стороны «авторитаризма развития» могут быть охарактеризованы следующим образом.

Во-первых, речь идёт о том, что индустриализация и рыночная модернизация неизбежно предполагают болезненную ломку сложившихся социально-экономических структур и стереотипов поведения людей. Они предполагают (во всяком случае, на ранних стадиях) возникновение новых видов социального неравенства и его углубление. Всё это провоцирует социальную напряжённость, затрудняет поиск межгрупповых компромиссов на демократической основе. В таких условиях политический авторитаризм инициирует перелом в общественных настроениях в пользу модернизации, предполагающей радикальные реформы, и это особенно важно в ситуациях фрагментированного, неструктурированного (как в слаборазвитых странах) или, наоборот, слишком жёстко структурированного (как в бывших социалистических странах) состояния социума. Но авторитаризм призван обеспечить не только «запуск» движения общества в новом направлении, но и сохранение социально-политической стабильности в ходе трансформации. Инструментом достижения таких целей является создание под эгидой авторитарного режима социальных коалиций в пользу модернизации. Сами реформы становятся обычно возможными благодаря автономии правящего режима от влияния традиционных элит (аграрных – в развивающихся странах, бюрократических – в странах постсоциалистических), чьи интересы непосредственно задевает модернизация. Но эффективное социальное маневрирование предполагает дифференцированный подход к традиционным элитам – не только ограничение их прежних привилегий, но и создание для них новых возможностей.

Во-вторых, переходные состояния индустриализации и рыночной модернизации неизбежно сопряжены со значительной ролью государства в экономике, такое положение дел не может быть преодолено быстро ввиду

незрелости рыночных механизмов в народном хозяйстве. В частности, необходимое для течения индустриализации перераспределение ресурсов из традиционного, аграрного сектора в современный сектор промышленности и сферы услуг в краткосрочной перспективе не может быть обеспечено только благодаря функционированию рыночных и частнопредпринимательских институтов. Поэтому авторитаризм призван выступать как гарант осуществления государством осмысленной, последовательной, долгосрочной стратегии развития вне зависимости от влияния политической и экономической конъюнктуры. Так, одной из его экономических функций является поддержание нормы накопления, необходимой для динамичного экономического роста, в том числе и за счёт недопущения нерациональной экспансии частного потребления и социальных расходов государства.

В-третьих, авторитаризм выступает как субъект формирования в модернизирующемся обществе новой системы ценностей. Новая национальная идеология не складывается самопроизвольно, только под воздействием спонтанных социально-экономических процессов, её формирование должно быть определённым образом организовано. Причём опыт успешных модернизаций свидетельствует, что наиболее удачный вариант новой идеологии – это сочетание заимствований из передовой мировой практики и национальных традиций. В современном Китае объектом такого синтеза является не только традиционная конфуцианская система ценностей, но и марксизм в его маоистской интерпретации.

Идеологическое обеспечение современных реформ – это, несомненно, составная часть общего процесса преобразований в Китае. Сохранение «оболочки» прежней идеологии, то есть фактически – привычной для людей системы ценностей, позволяет поддерживать в массовом сознании ощущение преемственности, стабильности, постепенности движения к целям реформ. В результате процесс преобразований не порождает у старших поколений состояние психологического шока, чувство напрасно прожитой жизни. В то же время постепенное включение новых, рыночных ценностей в рамки существующей идеологии, тиражирование их партийной пропагандистской машиной делают их понятными и доступными широким массам населения. Связь официальной идеологии с реальностью двусторонняя: пропагандистские установки обеспечивают движение по пути реформ, но и сами они определённым образом эволюционируют по мере того, как меняется экономика и на повестку дня в ходе реформ выдвигаются новые задачи.

Можно выделить несколько факторов, которые в совокупности воздействуют на динамику идеологических изменений, в их числе:

- собственно концептуальный поиск;
- влияние тех проблем, которые приходится решать творцам экономической политики на практике;
- влияние политической борьбы в высшем руководстве партии и государства (выдвижение новых идеологических установок часто связано с усилением позиций той или иной группировки);
- необходимость сделать идеологические установки доступными массам;

– необходимость вписать их в специфически китайский культурный контекст.

Выдвинутая ещё в 1980-е годы идеологическая доктрина «социализма с китайской спецификой» имеет отчётливую национальную окраску: социализм понимается и как универсальная стадия, предсказанная в своё время классиками марксизма-ленинизма, и как особый путь развития Китая. В этом втором смысле идея социализма сочетается с представлением о модернизации по особому пути, альтернативному западному, так что отделить эти две идеи друг от друга трудно. Надо сказать, что во многом это напоминает подход, проповедовавшийся в своё время Мао Цзэдуном, когда он говорил о необходимости «китаизации» марксизма, адаптации его общетеоретических положений к условиям отсталой, полуфеодалной и полуколониальной страны [10, с. 5–6].

Первоначально идеи качественного обновления экономики были сформулированы на эмпирическом уровне – в виде лозунга так называемых «четырёх модернизаций» (в сферах промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны). Его взял на вооружение Хуа Гофэн – непосредственный преемник Мао Цзэдуна на высших руководящих постах, хотя, вообще говоря, сходные мысли высказывал ещё в 1960-е годы знаменитый китайский премьер Чжоу Эньлай. Главный инициатор китайских хозяйственных реформ Дэн Сяопин, консолидировавший в своих руках власть на рубеже 1970–1980-х годов, дополнил идею «четырёх модернизаций» концепцией «трёх стратегических шагов». Была поставлена задача на первом этапе модернизации (к концу 1980-х годов) решить вопрос «тепла и сытости», то есть обеспечить основную массу китайского населения продовольствием и одеждой. К концу второго этапа (к 2000 г.) Китай должен был выйти на уровень «общества *сяокан*» (это конфуцианское понятие, широко используемое в современной китайской идеологии, в том числе и некоммунистической), означает «общество умеренной зажиточности и малого спокойствия»). Количественными ориентирами построения «общества *сяокан*» были объявлены учетверение объёма ВВП по сравнению с уровнем 1980 г. и достижение к 2000 г. показателя ВВП на душу населения в 1000 американских долларов. Наконец, по итогам третьего этапа (к середине 21-го века) Китай должен достигнуть показателей, присущих среднеразвитым странам, и тем самым модернизация будет в основном завершена.

Первым же концептуальным обоснованием практических шагов в сторону рынка стала сформулированная в документах 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.) теоретическая модель «планового товарного хозяйства». По существу она воспроизводила основные постулаты традиционной политэкономии социализма, но по-новому их интерпретировала. Как известно, согласно теоретической концепции, укоренившейся и в СССР, и в КНР за десятилетия социалистического строительства, социализм рассматривался как первая фаза коммунистической общественно-экономической формации, когда уже существуют общекommуннистические основы в виде общенародной (государственной) собственности на средства производства и планового управления народным хозяйством.

Но распределение на этой стадии осуществляется ещё не по потребностям, а по результатам труда. Существует коллективная (кооперативная) собственность, в основном – в сельском хозяйстве. Существуют и товарно-денежные отношения, так как плановое хозяйство ещё не развито настолько, чтобы устранить их. Концепция «планового товарного хозяйства» фактически и исходила из этой модели, но она утверждала, что не нужно по идеологическим мотивам делать акцент на какой-то одной части экономической системы. Нужно задействовать все системные блоки экономики социализма, в том числе активно использовать товарно-денежные отношения и потенциал иных форм собственности, помимо государственной.

Как отмечалось в постановлении пленума ЦК КПК, «В вопросах товарного хозяйства и закона стоимости различие между социалистическим и капиталистическим хозяйством заключается не в том, существует ли товарное хозяйство и действует ли закон стоимости, а в том, существуют ли эксплуататорские классы, являются ли трудящиеся хозяевами страны, во имя каких целей ведётся производство, можно ли в масштабе всего общества сознательно использовать закон стоимости и насколько велика сфера, охватываемая товарными отношениями» [8, с. 18]. Но понятно, что основа социализма в таком понимании – это всё же не рыночные отношения, а нечто другое, и поэтому концепция «планового товарного хозяйства» по сути оставляла открытым вопрос о направленности дальнейшего движения. Не понятно было, как долго просуществует сфера товарно-денежных отношений, если по идее они должны постепенно изживаться. Такая неопределённость препятствовала формированию чувства необратимости проводимых реформ и среди хозяйственников госпредприятий (которым предлагалось теперь вести себя как «социалистическим товаропроизводителям»), и среди представителей нарождавшегося негосударственного бизнеса, и у широких слоёв населения.

Выходом из этого затруднения стала концепция «начальной стадии социализма», обнародованная на 13-м съезде КПК в 1987 г. Её исходным пунктом явилась констатация, что китайский социализм – это социализм, победивший в отсталой стране. Он не может сразу показать все свои преимущества, и потому нужно не предъявлять к нему завышенные идеологизированные требования, а сосредоточиться на решении задач модернизации, развития производительных сил. Китаю предстоит пройти через весьма длительную «начальную стадию социализма», на которой придётся проделать многое из того, что другие страны проделали в условиях развития по капиталистическому пути. Основа социалистической экономики на «начальной стадии» уже существует, но она ещё очень несовершенная. А для того, чтобы развивать производительные силы, нужно использовать все те инструменты хозяйствования, которые этому будут способствовать, причём не только негосударственные уклады во внутренней экономике, но и иностранные капиталы и технологии. «В общем, – отмечалось в политическом докладе на съезде, – начальная стадия социализма у нас – это период постепенного избавления от бедности и отсталости, ... период перехода от натурального и полунатурального хозяйства,

имеющего огромный удельный вес к высокоразвитому товарному хозяйству...» [4, с. 14]. Не случайно вскоре после 13-го съезда в КНР были приняты нормативные акты, окончательно легализовавшие существование частнопредпринимательского уклада в экономике. Новая концепция снимала не только идеологические, но и временные ограничения: было заявлено, что «начальная стадия социализма» продлится не менее 100 лет.

Основным докладчиком на 13-м съезде был тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК Чжао Цзянь, и после его отстранения от власти в ходе тяньаньмэньских событий июня 1989 г. концепция «начальной стадии социализма» на некоторое время была забыта. Рубеж 1980–1990-х годов в Китае – это время усиления контроля государства над обществом и замедления экономических реформ. Новый импульс последним был придан известными высказываниями Дэн Сяопина в ходе поездки по четырём южным городам Китая в январе 1992 г. В очередной раз призвав «раскрепостить сознание», Дэн декларировал, что отличия социализма и капитализма состоят не в том, что одна система плановая, а другая рыночная; план и рынок могут использоваться как инструменты хозяйствования и при социализме, и при капитализме. Поэтому не нужно бояться применять в условиях Китая то, что доказало свою полезность в капиталистических странах. В качестве критерия эффективности определённой хозяйственной новации Дэн Сяопин сформулировал принцип «трёх благоприятствований»: идёт ли использование нового экономического механизма на пользу развитию производительных сил, увеличению совокупной мощи государства, подъёму жизненного уровня народа.

Во многом в развитие этих идей Дэна, в октябре 1992 г. на 14-м съезде КПК была выдвинута концепция «социалистической рыночной экономики». Как явствует уже из формулировки, теперь сам социализм был признан разновидностью рыночного хозяйства. Но это хозяйство специфичное, отличное от капиталистического. В институциональном плане оно основано на многообразии форм собственности, но при этом доминирующей является общественная собственность (государственная и коллективная). Хозяйственный механизм «социалистической рыночной экономики» основан на рыночном саморегулировании, но при сильном макроэкономическом воздействии государства. Существует многообразие форм распределения, в том числе такие виды доходов, как прибыль частных предприятий, ссудный процент, дивиденды по акциям, но главную роль играет распределение по труду (см. [11, с. 204–206]). Ещё один новый нюанс состоял в том, что если под «начальной стадией социализма» имелось в виду нечто уже существующее, то «социалистическая рыночная экономика» рассматривалась как цель на перспективу, которую и нужно реализовать в ходе реформ.

К концу 1990-х годов общеупотребительным клише в партийно-правительственных документах и в работах китайских учёных-экономистов стало утверждение, что основы «социалистической рыночной экономики» уже заложены. Жизнь, однако, свидетельствует, что при общем несомненном прогрессе реформ наилучшую динамику демонстрируют негосударственные уклады, тогда как госсектор испыты-

вает хронические трудности. С середины 1990-х годов стала ухудшаться ситуация в социальной области. Стало очевидным, что, несмотря на поддержание высоких темпов экономического роста, социальные диспропорции не сглаживаются, а накапливаются и обостряются. Обогащение предпринимателей и связанных с ними чиновников происходит одновременно с нарастающей маргинализацией крестьянства и низов городского общества. Официальная идеология в таких условиях вынуждена снова видоизменяться, эволюционировать с тем, чтобы отразить новые реалии, предложить ответы на возникающие новые вопросы.

На 15-м съезде КПК (октябрь 1997 г.) тогдашний лидер партии и государства Цзян Цзэминь ещё раз подтвердил приверженность властей идее плюралистичной структуры собственности. Вскоре после этого (в марте 1999 г.) в Конституцию КНР были внесены поправки, согласно которым индивидуальные и частные предприятия стали считаться «важной составной частью социалистической рыночной экономики» (раньше они официально рассматривались как «полезное дополнение к общественной собственности»). В 2000–2001 гг. в ряде выступлений Цзян Цзэминя была обоснована идея о так называемых «трёх представительствах», согласно которой КПК уже не является всего лишь политическим выразителем интересов рабочего класса, теперь она представляет передовые производительные силы, передовую культуру, коренные интересы широких слоёв китайского народа. Речь фактически шла о попытке расширить социальную базу существующего политического строя: в подтексте новой концепции прочитывалось признание, что «передовые производительные силы» уже в значительной мере оказались в руках частного капитала. После выдвижения этой идеологической новации, частным предпринимателям было разрешено вступать в КПК, они стали всё активнее проникать в структуры законодательной власти, особенно на местном уровне. На 16-м съезде КПК (октябрь 2002 г.) теория «трёх представительств» была канонизирована в качестве ещё одного из идеологических символов партии – наряду с марксизмом-ленинизмом, «идеями Мао Цзэдуна» и «теорией Дэн Сяопина».

16-й съезд констатировал, что к началу 21-го века в целом по стране был достигнут показатель подушевого ВВП в 1000 долларов, то есть Китай вышел на показатели, установленные в свое время Дэн Сяопином в качестве критерия «общества *сяокан*» (четверение абсолютного ВВП произошло досрочно – ещё в 1995 г.). Но при этом было официально признано, что обеспечено это было за счёт экстенсивного экономического роста, ценой углубления социальных противоречий и экологических проблем. Реально достигнутый результат, таким образом, мало соответствовал идее Дэна о «совместной зажиточности». В своё время Дэн говорил, что к обеспеченной жизни благодаря реформам сначала придёт часть людей, а затем и остальные, углубление же неравенства означало бы крах реформ (см. [5, с. 154]. В этой связи на 16-м съезде был выдвинут новый лозунг – «всестороннего строительства «общества *сяокан*», то есть было фактически признано, что «общество умеренной зажиточности» для всех ещё только предстоит создать. В качестве нового количественного ориентира предлагалось ещё одно четверение ВВП – на этот раз к 2020 г.

В послесъездовских пропагандистских документах в 2002–2003 гг. формулировка о построении «общества *сяокан*» заняла абсолютно доминирующее положение, оттеснив на второй план даже идеологему о «социализме с китайской спецификой». При желании это можно было понять и так, что теперь партия без лишнего шума пришла к выводу: *сяокан* – это стадия развития, предшествующая наступлению настоящего социализма, а последний отодвинулся тем самым в сравнительно далекое будущее. Создавалось впечатление, что официальной идеологии осталось сделать уже только один шаг до окончательной замены традиционных марксистских установок на обычные для развивающихся стран националистические мобилизационные лозунги.

Однако в реальности события стали развиваться по-иному. В 2002–2003 гг. власть была поэтапно передана «четвёртому поколению» руководителей КПК во главе с Ху Цзиньтао. Причём случилось так, что уже первые месяцы пребывания новых руководителей у власти были омрачены эпидемией «атипичной пневмонии», выявившей многие дефекты в функционировании сложившейся политико-административной системы. Новое руководство оказалось перед необходимостью быстро предложить обществу новые ответы на злободневные вызовы. К концу 2003 г. это привело к появлению в официальном обороте новых установок, объединённых в так называемую «научную концепцию развития». Стержневая её идея – отказ от ставки на количественные параметры экономического роста. Признаётся, что китайский экономический рост при всех его внушительных темпах был до сих пор по преимуществу экстенсивным, ресурсоёмким, наносящим ущерб окружающей среде. Ставится задача изменить модель роста, сделать его интенсивным, инновационным, ресурсосберегающим, социально ориентированным. Отсюда вытекает постановка вопроса о «пяти сбалансированных»: развития города и деревни, различных регионов, экономики и социальной сферы, человека и окружающей среды, внутреннего развития и внешней «открытости». Провозглашён лозунг «Брать человека за основу», то есть декларируется, что целью экономической политики является не рост экономики как таковой, а решение социальных задач.

По-иному стали формулироваться и количественные ориентиры развития. Задачи на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.) были определены как удвоение не абсолютного, а подушевого ВВП и снижение удельного потребления ресурсов на единицу ВВП на 20%. Власть в последние годы демонстрирует подчёркнутое внимание к низкодоходным социальным группам, в том числе к крестьянству. Много говорится о необходимости решать накопившиеся проблемы в образовании и здравоохранении. Постоянно акцентируется тема борьбы с коррупцией партийно-государственного аппарата, его обогащением за счёт использования государственных активов, а эта проблема, надо сказать, в течение всего периода реформ является главным раздражителем для массового сознания. Если в последние годы при Цзян Цзэмине само слово «социализм» в официальной риторике использовалось относительно умеренно, а доминировали более нейтральные термины типа «теория Дэн Сяопина» или «общество *сяокан*», то

теперь собственно социалистическая фразеология снова вышла на передний план. Сам Ху Цзиньтао в своих выступлениях акцентирует внимание на марксистском характере идеологии КПК, призывает к дальнейшей «китаизации» марксизма, вооружению партии его «новейшими достижениями».

В течение 2005 г. в официальном обороте была введена новая установка – на построение «гармоничного социалистического общества». Она была утверждена в качестве основополагающей на 6-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в октябре 2006 г. Главными направлениями строительства «гармоничного общества» на перспективу до 2020 г. были заявлены:

- совершенствование правовой системы социалистической демократии, гарантирование защиты прав граждан;
- постепенное преодоление тенденции к углублению разрывов между городом и деревней, между отдельными регионами; формирование разумной и упорядоченной системы распределения доходов;
- гарантирование полной занятости, формирование базовых систем социальной защиты в городе и деревне;
- развитие системы публичных услуг, повышение их качества;
- укрепление моральных устоев, формирование гармоничных отношений между людьми;
- укрепление инновационных способностей общества, формирование основ «инновационного государства»;
- развитие систем управления обществом, улучшение общественного порядка;
- повышение эффективности использования ресурсов, достижение очевидных результатов в охране окружающей среды;
- достижение качественно более высокого уровня *сяокан* для всего населения Китая (см. [12, 12.10.2006]).

Как оценить этот вроде бы достаточно неожиданный «левый поворот» в китайской политике и официальной риторике? По мнению некоторых отечественных аналитиков он свидетельствует о выдвигании в Китае «неосоциалистического проекта» (см. [3]) или же о формировании в стране «новой социально-экономической модели» (см. [2]). Однако в действительности, как представляется, имеет место гораздо более сложное явление, в характеристике которого вряд ли можно ограничиться какой-то одной формулировкой. На наш взгляд, в новом курсе выделяются сразу несколько пластов-составляющих, причём будучи самостоятельными, эти пласты сложным образом взаимодействуют друг с другом, и в различных ситуациях на первый план выходит то одна, то другая составляющая.

Во-первых, речь идёт о стремлении нового руководства обрести собственное политическое лицо и собственную базу социальной поддержки. Слишком долго, в течение 10 лет, Ху Цзиньтао был «кандидатом в премники» (утверждают, что его определил на эту роль ещё Дэн Сяопин). Когда же Ху в конце концов получил высшую власть, то он стал решать собственные политические задачи, апеллируя к реально существующим в обществе проблемам. О нарастании социальных противоречий говорили в Китае и раньше. Но теперь, когда раздающаяся с самого верха социальная

риторика была подхвачена всеми звеньями аппарата, получается, что громче всех об этом говорят представители партийно-государственной номенклатуры, которые как раз и получили наибольшие выгоды от реализации политики реформ. Напрямую Цзян Цзэминя никто ни в чём не обвиняет. Тем не менее по логике нынешних установок получается, что развитие Китая в годы его правления было «ненаучным» и «негармоничным».

Раньше важнейшей чертой китайского варианта системных реформ было то, что КПК авторитарными методами навязывала обществу движение по рыночному пути и давала тем самым выход созидательной энергии наиболее динамичной, предприимчивой части общества. Теперь же политический курс очевидным образом сдвинулся в сторону защиты интересов социальных аутсайдеров. Само стремление власти к балансу общественных интересов, к защите интересов обездоленных, нельзя не оценить позитивно. Но проблема заключается в том, что, декларируя изменение самого курса реформ на социально-ориентированный и реанимируя при этом некоторые идеологические элементы из ещё дореформенного арсенала, власть порождает в обществе ожидания и запросы, удовлетворить которые она вряд ли сможет.

Причины обостряющегося в Китае социального неравенства слишком глубоки. Они связаны не с тем, что китайская экономика под воздействием неверных политических решений оказалась недостаточно социально-ориентированной, и даже не только с тем, что рыночные реформы не обходятся без болезненных социальных последствий. Фундаментальной причиной дифференциации доходов является само течение процессов индустриализации и урбанизации: как уже отмечалось, мировой опыт свидетельствует, что они в большинстве случаев (по крайней мере, в крупных странах) сопровождаются нарастанием неравенства в течение достаточно длительных временных интервалов.

Что же касается социальной ориентации экономики, то есть по сути создания разветвлённой системы пособий и дотаций по западноевропейскому образцу, то такая перспектива для Китая сейчас малоактуальна. Она требует гораздо более высокого уровня социально-экономического развития с тем, чтобы государство могло перераспределять через фискальную систему часть финансовых ресурсов общества в пользу социальных проектов. Китаю в ближайшем будущем действительно предстоит решать сложнейшие социальные проблемы, но это задачи принципиально иного порядка. До сих пор речь шла о том, что китайское государство не могло обеспечить значительной части населения некоторые базовые социальные услуги, которые, вообще говоря, предоставляются не только в развитых, но и во многих развивающихся странах. Так, обещанное законодательством бесплатное школьное образование давно превратилось в фикцию. Ещё в 1980-е годы финансирование школ было вменено в обязанность уездным и городским бюджетам, испытывавшим хроническую нехватку средств. Как следствие, абсолютное большинство школ взимали плату за обучение, в особенности это было свойственно сельским районам. Медицинским страхованием в городах в середине 2000-х годов была охвачена лишь половина

работающего населения, а в деревнях кооперативная медицина практически перестала существовать с развалом «народных коммун» ещё в 1980-е годы. Пенсионное обеспечение распространяется только на горожан, а выплаты пенсий в последние годы осуществлялись со значительными задержками.

Однако, и это во-вторых, нельзя отрицать, что новый курс включает в себе и прагматическое содержание, он действительно является реакцией на накопившиеся в обществе проблемы. Постепенно в развитие идеологических установок властью стали инициироваться конкретные программы. На рубеже 2005–2006 гг. была принята программа «строительства новой социалистической деревни», ориентированная на рост крестьянских доходов и развитие инфраструктуры на селе. В рамках её реализации в последующие годы был полностью отменён единый сельскохозяйственный налог, на селе стала развиваться сеть новых кредитных институтов за счёт допуска в эту сферу национального и иностранного частного капитала, ускорилось развитие рынка фьючерсов по сельскохозяйственным товарам и т.д. В августе 2006 г. в Закон КНР «Об обязательном образовании» были внесены поправки, прописывающие схему финансирования школ совместными усилиями центрального, провинциальных и местных бюджетов. С начала 2006 г. в сельских районах отсталых западных провинций была повсеместно отменена плата за школьное обучение. С начала 2007 г. эта мера была распространена на деревенские школы по всей стране, а с осеннего семестра 2008 г. она затронула и школы в городах. В 2006 г. несколько правительственных ведомств представили рассчитанный на период до 2010 г. план развития новой системы кооперативного медицинского страхования в деревне. По официальным данным, на конец сентября 2008 г. этой системой было охвачено уже 814 млн. чел., то есть 91,5% проживающих на селе (см. [12, 11.12.2008]). Государство стимулирует оживление экономики в регионах, которые отстали в своём развитии от наиболее преуспевших за годы реформ юго-восточных провинций: с 2003 г. реализуется программа «оживления Северо-Востока», а с 2006 г. – программа «подъёма Центрального Китая». Меры по созданию «инновационного государства» изложены в принятом в феврале 2006 г. Государственном плане развития науки и техники на период 2006–2020 гг. В более общем плане речь идёт о стимулировании изменений в конфигурации факторов экономического роста: ограничении безудержной экспансии инвестиций и экспорта, большей опоре на внутренний потребительский спрос (см. [6]).

Тем не менее, и здесь приходится делать оговорки: зачастую существует разрыв между фактически осуществляемыми мерами и их идеологической трактовкой. Практические мероприятия по необходимости основываются на использовании уже укоренившихся в китайском хозяйстве рыночных механизмов, а идеологически они представляются как реализация социалистических принципов. Да и сами накопившиеся в китайском обществе проблемы трактуются во вполне традиционном духе: их появление рассматривается не как следствие недостаточной развитости или же недореформированности китайской экономики, а как отклонение от некоего идеального состояния, и утверждается, что задача

как раз состоит в том, чтобы привести общество к такому состоянию, которое на этот раз называется «социалистической гармонией».

А поэтому, в-третьих, новый курс можно расценить и как реакцию части партийно-государственного аппарата на те процессы, которые были вызваны к жизни течением реформ. В китайском обществе возникает всё больше явлений, трудно совместимых с традиционными представлениями о социализме. Ушло в прошлое бесплатное распределение жилья. Коммерциализируется система высшего образования. Происходят массовые увольнения с неэффективных государственных предприятий. В обществе не просто идут процессы расслоения, но и формируются социальные группы (предприниматели, элементы среднего класса), которые могут в перспективе составить конкуренцию власти КПК. Причём усложнение социальной структуры сопровождается становлением идеологического плюрализма. На одном его фланге находится либеральная интеллигенция, во многом связанная с бизнесом и идеологически воспринявшая западные ценности. А, с другой стороны, на рубеже веков в китайской интеллектуальной жизни возникло течение «новых левых», которое открыто отрицает саму необходимость рыночных реформ. Некоторые представители «новых левых» утверждают: реформы были специально инспирированы из-за рубежа для того, чтобы ослабить Китай, именно неадекватные реформы по западным образцам являются причиной нарастающих социальных проблем.

По форме все эти явления выглядят как размывание политико-идеологического консенсуса, существовавшего в 1980-е годы, при Дэн Сяопине, когда реформы трактовались как совершенствование социализма, от которого выигрывает всё общество. В современном Китае открыто раздаются голоса, утверждающие, что Китай пошёл по пути капитализма, и это привело не только к социальному расслоению, но и к идейной дезориентации, упадку общественной морали. Раньше такие мысли выражались в основном в письмах, которые партийные ветераны направляли в ЦК КПК, теперь же они высказываются в открытой печати. Поэтому новый курс можно рассматривать и как попытку партийного руководства показать «кто в доме хозяин», подтвердить социалистическую ориентацию Китая, успокоить оживившиеся консервативные силы, которые уже находят себе идеологических представителей за рамками КПК, перехватить у них инициативу.

У жизни, однако, своя логика. Если обратиться не к идеологическим установкам, а к реальной экономической политике последних лет, то трудно не прийти к выводу, что в период правления Ху Цзиньтао рыночные реформы в Китае не только не были остановлены или замедлены, а напротив, вступили в фазу радикализации. Ускорились процессы разгосударствления и реструктуризации промышленности, сопровождающиеся сокращением занятости. Значительные доли уставных капиталов в китайских государственных банках были проданы иностранным стратегическим инвесторам. Три государственных банка из так называемой «большой четверки» (Строительный банк Китая, Банк Китая, Промышленно-торговый банк Китая) прошли процедуры акционирования и биржевого листинга. Сделаны

новые шаги по либерализации банковских процентных ставок. Осуществляется реформа фондового рынка – распродают государственные пакеты в открытых акционерных обществах. Происходит либерализация режима валютного регулирования. Во исполнение обязательств, данных при вступлении Китая в ВТО, снижаются таможенные пошлины и нетарифные импортные барьеры, открывается доступ иностранных и национальных частных инвесторов в ранее «запретные» для них отрасли хозяйства.

Принимая всё это во внимание, можно сказать, что у нового курса есть ещё один, четвёртый пласт. Он во многом вбирает в себя элементы трёх предыдущих, но является самостоятельным и, пожалуй, наиболее весомым. А именно: новый курс можно трактовать и как определённую политическую технологию. На деле власть не просто продолжает реформы – проводимые ею преобразования вступили в наиболее трудную, непопулярную стадию, и в обозримом будущем социальное напряжение будет только нарастать. Даже заявленные в рамках нового курса социальные мероприятия фактически предусматривают переход к коммерческим принципам оказания социальных услуг. Но при этом, озвучивая чаяния социальных низов, власть канализирует и ослабляет тем самым их недовольство, а в результате создаёт условия для продолжения преобразований.

Приходится признать, что это специфический вариант социальной консолидации традиционными для Китая политико-идеологическими методами, которые на этот раз используются для дальнейшего продолжения реформ. Хотя у такого варианта есть и очевидные риски. Во-первых, не ясно, сколь долго можно идти по такому пути и что придется делать, если жизнь и идеология разойдутся. Во-вторых, побочным результатом нового курса в 2005–2006 гг. стала активизация открытых противников преобразований, выступивших с идеями о необходимости «переосмысления реформ», о наличии у частнопредпринимательского сектора китайской экономики «первородного греха» в виде криминальных методов накопления капитала, о том, что дальнейшее разгосударствление промышленного и финансового секторов равнозначно «разбазариванию общенародного имущества». В последующие годы эта «неоконсервативная» волна явно пошла на спад, и дело тут, по-видимому, не обошлось без окрика со стороны высшего политического руководства. Но подобное развитие событий само по себе свидетельствует, что избранная политическая технология чревата обоюдоострыми последствиями: вместо консолидации общества вокруг реформаторского курса власть может получить противоположный эффект.

В октябре 2007 г. состоялся 17-й съезд КПК, который ознаменовался новыми идеологическими коррективами. На съезде упоминания о «научной концепции развития» были включены в Устав КПК. Большинство наблюдателей это было расценено как безусловное укрепление позиций Ху Цзиньтао: идеологические новации, связанные с его именем, были признаны одной из составных частей партийной идеологии уже в середине периода его пребывания на высших постах. Для сравнения, концепция Цзян Цзяминя о «трёх представительствах» была признана таковой только в тот момент, когда Цзян уже уходил из власти (см. [7]).

Однако более пристальный взгляд на произошедшее наводит на мысли, что всё не так однозначно. Представленный Ху Цзиньтао съезду доклад был озаглавлен «Высоко держать великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за достижение новых побед в деле всестороннего строительства общества *сяокан*». Иначе говоря, достаточно неожиданно на первый план снова вышла идеологема *сяокан*, казалось бы уже оттеснённая в сторону концепцией «гармоничного социалистического общества». Между тем, последняя как раз и воспринималась как обобщение идей, ассоциировавшихся с нынешним партийным руководством. И в докладе Ху, и в новом тексте Устава КПК встречается только несколько разрозненных упоминаний о «гармоничном социалистическом обществе». Развёрнутого изложения этой концепции там нет, отдельные её части теперь переформатированы или в элементы «научной концепции развития», или в элементы концепции «всестороннего *сяокана*» (см. [12, 25.10.2008, 26.10.2008]).

Чем объяснить такую смену акцентов? По-видимому, возможны два объяснения, и они не противоречат, а дополняют друг друга. С одной стороны, эти изменения очевидно связаны с поиском баланса сил внутри партийного руководства. Другие лидеры согласились признать вклад Ху в партийную идеологию уже в середине срока его полномочий, но с определёнными ограничениями: для противовеса резкому усилению Ху была восстановлена основная целевая установка, выдвинутая еще Цзян Цзэминем. С другой стороны, возможно, что идея «гармоничного общества» самому Ху и его окружению стала казаться слишком радикально-критичной: сама постановка вопроса о том, что «гармонии» ещё нужно достичь, вольно или невольно акцентирует внимание на множестве существующих в обществе проблем.

В этой связи обращает на себя внимание ещё одна принципиально новая формулировка в докладе Ху, которую вполне можно охарактеризовать как консервативную. Традиционная формула о «строительстве социализма с китайской спецификой» заменена на формулу о «развитии социализма с китайской спецификой», то есть акцент перенесён на констатацию достижений и подтверждение социалистического характера развития Китая. Но имеются в документах съезда и идеологические новинки прямо противоположного свойства. Если раньше партийные лидеры говорили о смене «модели экономического роста», то теперь Ху Цзиньтао заявил о необходимости изменения «модели экономического развития», при этом речь в докладе шла об опоре на интенсивные факторы роста, о повышении вклада научно-технического прогресса в экономическое развитие, о ресурсосбережении и т.д. Но очевидно, что переход к новой модели развития не достигается чисто политическими решениями; для этого требуются дальнейшие институциональные изменения, способные придать всей экономической системе принципиально новое качество. В то же время в духе «научной концепции развития» на съезде были в очередной раз пересмотрены количественные ориентиры на перспективу: теперь предполагается учетверить к 2020 г. по сравнению с уровнем 2000 г. не абсолютный, а подушевой ВВП.

Как расценить эти новинки? На наш взгляд, их появление свидетельствует о том, что в и без того эклектичной конструкции официальной идеологии появились, как минимум, две очевидные «трещины». Во-первых, по логике новых установок получается, что нужно идти к давно намеченным (ещё прежним руководством) целям – «всестороннему *сяюкану*», но при этом нужно поменять «модель развития». Во-вторых, если о социализме в съездовских документах говорится, что его нужно «развивать», то по поводу «общества *сяюкан*» говорится, что его нужно «строить». Но, вообще говоря, формула о «развитии» неявно подразумевает уже достигнутый достаточно высокий уровень, который нужно дальше совершенствовать. И тогда не понятно, как быть с констатацией того факта, что «умеренную зажиточность» для значительной части населения обеспечить до сих пор не удалось.

Появление этих нестыковок позволяет утверждать, что для официальной идеологии более актуальной становится первая группа упомянутых выше рисков: идеологии становится труднее приспособляться к изменению объективной реальности. Но можно ли расценить это как исчерпание политическим режимом своего позитивного потенциала, как предвестник грядущих политических изменений – демократизации режима или его краха вследствие социального взрыва? На наш взгляд, для такой постановки вопроса достаточных оснований нет. Успешная рыночная модернизация как раз и готовит условия для изживания авторитаризма (см. [1]). При достижении определённого уровня экономического развития начинает проявлять себя тенденция к сглаживанию социального неравенства, выравниванию уровня доходов. Формирование рыночных механизмов влечёт за собой укоренение в общественном сознании представлений о возможности решать социальные проблемы на началах соревновательности, свободы выбора; об уважении к договорным обязательствам и вообще к соблюдению правовых норм; о толерантном отношении к деловому успеху и богатству. Такого рода социальные нормы и ожидания в конечном счёте и транслируются в формирование институтов плюралистической демократии. Тем социальным слоем, который выступает «передатчиком» этих импульсов из экономики в политику, то есть главным «лоббистом» демократизации, выступает средний класс (а не крупная буржуазия, склонная скорее к компромиссу с авторитаризмом). Эта роль среднего класса связана, с одной стороны, с его собственно имущественным положением и укоренённостью в системе рыночных отношений: такие люди достигли определённого уровня достатка, и для них приобретает относительно большее значение проблема личных свобод. С другой стороны, она связана с тем, что этот слой формируется в результате распространения в обществе относительно высокого уровня образования, это слой людей с достаточно широким кругозором, осведомлённых о ситуации в мире. Их запросы складываются в значительной степени под влиянием «демонстрационного эффекта» со стороны более развитых, демократических стран. И вот когда все эти условия соблюдаются, то демократизация становится действительно объективной необходимостью, а не просто следствием определённого идеологического выбора.

Постепенное формирование в Китае среднего класса очевидно для всех, кто бывал в последние годы в стране, особенно в городах восточного побережья. По данным одного из социологических обследований, численность среднего класса выросла в 1999–2006 гг. с практически нулевой отметки до 130 млн. чел. В 2006 г. к среднему классу относилось 39% городских домохозяйств, на них приходилось 27% располагаемых доходов городского населения (см. [15, с. 39–40]). Однако эти внушительные статистические показатели выглядят несколько по-иному, если учесть, что в 2008 г. более половины (54,3%) населения Китая проживали в сельской местности. Иначе говоря, хотя абсолютная численность китайского среднего класса уже приближается к численности всего населения России, но в относительном выражении он пока не столь значим на фоне огромной массы крестьянства, по преимуществу бедного. Не приходится пока говорить и о переломе тенденции к углублению социального неравенства. По оценкам, сделанным в 2009 г., потребительский спрос (измеряемый объёмом розничных продаж) 300 миллионов наиболее обеспеченных граждан КНР превосходил потребительский спрос остального миллиарда с лишним в 3,2 раза. 20% городских домохозяйств, находившиеся на вершине социальной лестницы, контролировали 66,4% всех финансовых активов, тогда как «нижние 20%» владели только 1,3% финансовых активов (см. [13, 20.07.2009]). Так что объективных предпосылок для демократизации уже в недалекой перспективе пока не просматривается.

Но если условия для неё когда-либо сложатся, то возможна ли плавная эволюция от нынешнего партократического режима к плюралистической демократии? Опыт Южной Кореи и Тайваня свидетельствует, что это вполне реально, и вариант распада прежнего режима, преодоления диссонанса между экономикой и политикой через социальные катаклизмы не является неизбежным. В любом случае социальные взрывы не происходят автоматически, для них тоже нужны определённые условия. Они обычно происходят тогда, когда существующая авторитарная система очевидным образом блокирует вертикальную социальную мобильность, то есть представители среднего класса, предприниматели, интеллектуалы не могут повышать свой социальный статус из-за замкнутости правящей элиты, отторгающей «чужаков». Но в условиях современного Китая такого точно не происходит. Нельзя сказать, что КПК блокирует социальную мобильность: она, наоборот, всё больше и больше инкорпорирует в себя новые общественные группы и пытается выступать механизмом согласования их интересов.

Перспектива социального взрыва в нынешнем Китае поэтому тоже не выглядит неизбежной. Хотя это не исключает существования значительных рисков, способных выступить фундаментальными причинами социальных потрясений. Во-первых, пока всё ещё не решён в принципиальном плане вопрос, сможет ли Китай выйти за пределы, очерченные механизмом традиционного династийного цикла, то есть сможет ли он при развитии рыночных институтов абсорбировать избыточное население. Во-вторых, сложившаяся модель экономического развития социально

конфликтна, но и её трансформация тоже связана, по крайней мере на первых порах, с усилением социальной напряжённости. В силу действия этих факторов возможны различные сценарии эволюции китайского политического режима. Жёсткой предопределённости движения к демократизации нет: возможно, что реакцией и властей, и значительной части общества (включая средний класс) на новые вызовы станет усиление националистических настроений. Что же касается официальной идеологии, то она может видоизменяться при этом самым причудливым, непредсказуемым образом.

Литература

1. Авторитаризм развития: генезис, функции, перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2005, № 5, 6.
2. Бергер Я.М. Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 4, 5.
3. Борох О.Н., Ломанов А.В. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. 2005, № 3.
4. Документы 13-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин, 1988.
5. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М., 1988.
6. Мозиас П.М. Китай и мировое хозяйство: новые аспекты взаимодействия // Финансовый бизнес. 2008, № 1, 2.
7. Основные особенности и итоги 17-го съезда Компартии Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 1, 2.
8. Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. Пекин, 1984.
9. Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР. М., 2005.
10. Мао Цзэдун сысян гайлунь. Ша Цзяньсунь чжубянь. (Введение в идеи Мао Цзэдуна. Под ред. Ша Цзяньсуня). Пекин, 2005.
11. Чжунго гунчаньдан цзяньши (Краткая история Коммунистической партии Китая). Пекин, 2001.
12. Жэньминь жибао хайвай бань (Ежедневная народная газета: зарубежный выпуск).
13. Цзинцзи гуаньча бао (Экономический обозреватель).
14. Alesina A., Perotti R. The Political Economy of Growth: A Critical Survey of the Recent Literature // World Bank Economic Review. Vol. 8, № 3, September 1994.
15. Cui A., Song K. Understanding China's Middle Class // China Business Review. 2009, №1.
16. Evans P. The State as Problem and Solution: Predation, Embedded Autonomy, and Structural Change // The Politics of Economic Adjustment. International Constraints, Distributive Conflicts, and the State. Princeton, 1992.
17. Kriekhaus J. Democracy and Economic Growth: How Regional Context Influences Regime Effects // British Journal of Political Economy. Vol. 36, part 2, April 2006.
18. Przeworski A., Limongi F. Political Regimes and Economic Growth // Journal of Economic Perspectives. 1993, № 7.

19. *Sorensen G.* Democracy, Dictatorship and Development. Economic Development in Selected Regimes of the Third World. L., 1991.